

Э то было давно, в другой жизни, в маленьком среднеазиатском городке с белыми домами, пыльными деревьями, бесконечными полями хлопка, окружавшими город со всех сторон...

Летом городок плавился от солнца, стонал, беспокойно ворочался от духоты ночами. Чтобы уснуть, поливали водой полы, а чаще устраивались во дворах: даже в больших домах, двух- и трехэтажных, чуть не каждый строил себе во дворе сарайчик, и ночные сны протекали при серебряном лунном свете под тонкое, как звон монист, журчание арыков. В особенно жаркие дни город вымирал. Все, кто мог, прятались по домам, уезжали в горы — невдалеке начинались отроги Тянь-Шаня — или целыми днями пропадали на Зеленом мосту у желтого, мутного сая. Зато улицы, особенно в Старом городе, с глинобитными домиками без окон и высокими, выше человеческого роста, дувалами становились совершенно пустыми. Лишь изредка по пыльным избитым мостовым медленно проходили ишаки, запряженные в двухколесные арбы с возницами в тюрбетейках и стеганых халатах. И только базары и чайханы, расположившиеся в тени чинар, выглядели маленькими оазисами в раскаленном мареве.

В такие дни Старый город, этот последний раскаленный островок Востока, напоминал фантастический лунный пейзаж, испещренный кратерами узеньких улочек. Посередине островка возвышалась громада бывшей мечети. В мечети давно жили люди, с минаретов в любую погоду свисали простыни и детское белье, придавая ей вид дешевой киношной декорации.

К вечеру, когда жара слегка спадала, город оживал, на улицах появлялись люди. Старый город оглашался детским многоголосьем, из парков и от автостанции тянуло ароматными дымками шашлыков, зазывно покрикивали торговцы чебуреками и восточными сладостями; вспыхивали огни, стайки подростков, лузгая семечки, собирались у кинотеатров, в парке начинало крутиться колесо обозрения, откуда, как на ладони, словно сошедший с картин Сарьяна, был виден почти весь город, этот экзотический, многоязычный, грязноватый симбиоз России и Востока.

Но оживление обычно бывало недолгим: ночи на юге наступают рано, и город, уставший от дневного зноя, едва расправив легкие, торопился отойти к короткому освежающему сну.

К сентябрю ртутный столбик снижался градусам к тридцати. Начиналась пора свадеб, по утрам и вечерам протяжно дудели карнаи, пышно праздновали тои, базары ломились от изобилия: бесконечные ряды дынь, арбузов, гранатов и винограда, здесь же горы резаной моркови, лука, риса для плова, огромные тыквы, варятся лагман и манты, девочки в тюрбетейках с множеством косичек продают только что выпеченные домашние лепешки. Кажется, все только продают и почти никто не покупает.

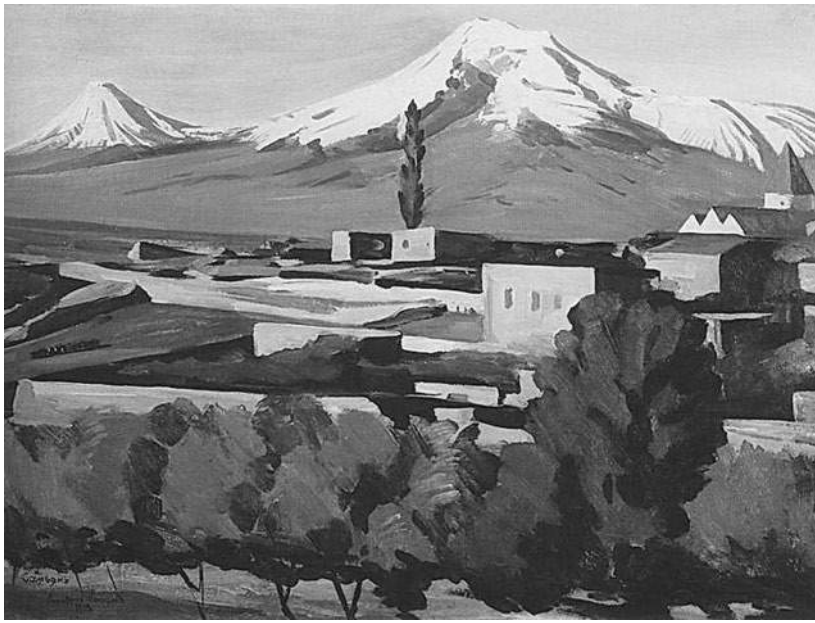
Открывались и ковровые ярмарки, заполнявшие целые кварталы. Вместе с коврами торговали всякой всячиной. Особенно выделялись ряды с тюрбетейками, ножами с инкрустированными ручками и цветистыми восточными шелками. Люди, казалось, спешили насладиться короткой передышкой между летним

зноем и хлопковой страдой, когда город снова станет почти необитаемым.

Обычно в начале сентября на месяц-полтора в городок приезжал цирк. Он раскидывал шатер в единственном парке, и сразу вокруг начиналось столпотворение: приезжали целыми семьями из близлежащих кишлаков, приходили торговцы после ярмарок и базаров, валом валили школьники, горожане, привозили даже на автобусах ребят из соседних городков — цирк был единственным доступным зрелищем, если не считать футбол.

Мы в школе узнавали о прибытии цирка раньше всех. Еще за несколько дней до афиш в нашем классе появлялись два брата-близнеца Петя и Жора, кочевавшие с родителями вместе с цирком. Братья обычно держались особняком, чуть ли не каждый день сбегали с уроков и ничего не смыслили в математике и физике, так что наша учительница Евгения Петровна вскоре начала хвататься за сердце и пить на уроках валокордин. Но зато на переменах, а иной раз и на уроках Жора с Петей демонстрировали удивительные фокусы: выплевывали из пустого рта шарики, вытаскивали носовые платочки из ушей, втирали чужие монеты в рукава, доставали неизвестно откуда у доски шпартгалки или с помощью зеркалац списывали контрольные. Впрочем, фокус со списыванием удавался им не вполне: больше троек они никогда не получали.

В десятом классе вместе с Петей и Жорой появилась и Таня. Ее родители были известными воздушными акробатами, и Таня уже несколько лет выступала с ними в совместном аттракционе. Меня Таня поразил

говоров. К тому же иногда мне казалось, что они нарочно сменяются надо мной...

Как-то на перемене мой приятель Вова Кутепов отозвал меня в сторону, чтобы сообщить распивавшую его новость,

— У Татьяны, оказывается, есть жених. Джигит из конной группы. Петька говорит, он может раздавить тебя одним пальцем.

— А Таня?

— Она его боится...

Моя любовь стала еще безнадежней.

Скорее всего, спасаясь от своей безнадежной любви, я и согласился пойти с Вовой в парк на танцы — ему не хотелось идти одному; на танцплощадке я был всего один или два раза. У меня много времени уходило на уроки, да и чувствовал я себя на танцах неуютно. Там была своя, мало знакомая мне жизнь: со своими королями и принцессами, своей субординацией, жестокими драками — один на один и кодла на кодлу, на кулаках и с солдатскими ремнями; с прыщавыми щеголями в брюках-дудочках, дешевой любовью, надеждами на замужество и, наверное, одиночеством...

К тому же я плохо танцевал. Фокстрот или танго — еще куда ни шло, топчись себе в тесноте почти на одном месте, но вот когда играли чарльстон или вальс, тут я пропадал, потому что совсем не чувствовал музыку. Впрочем, пропадал героически, «пропадал, но прикрывал грудью товарища», как сказал обо мне кто-то из ребят.

В тот день, как и раньше, эта чужая жизнь текла мимо, совсем не трогая меня, только мне было еще тошнее, чем обычно, — и от сладковатой музыки с навязчивыми завываниями саксофонов, и от улыбающихся, ожидающих или притворно безразличных женских лиц, и от своей партнерши, полногрудой, с вставными золотыми

ла с первого взгляда. У нее была прелестная фигура, изящная и гибкая, как у змейки, божественная походка — когда она шла, все мужчины, забыв о собственных женах, не отрываясь смотрели ей вслед, и даже женщины восхищались и охали, — темные густые волосы, белая кожа, но самое главное — глаза. Глаза были большие, с легкой раскосинкой, какого-то необыкновенного зеленоватого оттенка, ласковые и вместе с тем печальные. И еще, помню, у Тани были необычайно густые и длинные ресницы. Словом, я влюбился с первого взгляда той необыкновенно чистой и робкой юношеской любовью, которая потом очень редко повторяется и в которой я боялся признаться даже самому себе. На взаимность я не рассчитывал. Я это слишком хорошо понимал. Так что даже не любовь у меня была, а лишь мечта. Прекрасная, чистая, несбыточная мечта. Ведь, в самом деле, не мог же я, обыкновенный стихоплет, высокий и нескладный, висевший на кольцах как мешок и так и не научившийся перепрыгивать через коня, всерьез мечтать о ней,

бесстрашной, грациозной и блистающей.

Мысленно я теперь все время разговаривал с Таней. Воображал, как мы идем рядом, держась за руки, и говорим о самом сокровенном... Или мечтаем вместе о будущем... Никогда еще я не разговаривал так, как с Таней...

Но — только мысленно воображал я этот разговор, потому что в жизни, просидев рядом с Таней почти целый месяц, я, наверное, не сказал ей и нескольких десятков слов. Я все время пытался придумать какие-то необыкновенные, несуществующие слова и не умел разговаривать с Таней на обыкновенном человеческом языке. Только подолгу украдкой поглядывал на нее и бывал несказанно счастлив, если Таня просила у меня учебник или тетрадку, чтобы списать урок.

Моя влюбленность, хоть я о ней никому не сказал ни слова, конечно, очень скоро перестала быть тайной. Девочки, естественно, завидовали Тане — они вообще не любили ее, — но это я понял лишь много лет спустя, а тогда я просто страдал из-за разных глупых раз-

зубами, в безвкусном объяти-
вающем платье, и от позорно
разомлевшего в женских объятиях
Вовы, и даже от мыслей о том,
кто победит сегодня — Боцман
или Жела. Я с трудом дождал-
ся перерыва и, не попрощав-
шись с приятелем, потихоньку
выскользнул с танцплощадки.
Тоска, еще более жестокая, чем
та, что привела меня сюда, гнала
меня теперь прочь. Мне хотелось
уединения, я обходил много-
людные аллеи, потом, помню,
довольно долго сидел у пруда.
Вокруг всюду целовались и обни-
мались парочки; всюду слышались
шепоты; остывая, стонала зем-
ля, стонали деревья от легкого
ветерка, стонал от любви оркестр
на танцплощадке, ему вторил
другой — в цирке, тянулись дымки
из уличной шашлычной, где-то
за оградой кричал пьяный. Парк
казался огромным шевелящимся,
чувственным чудовищем...

Тоска томила меня, но странно,
не было сил уйти; парк словно
магнитом притягивал меня к себе;
неясное ожидание и щемящая
грусть водили меня по полутем-
ным аллеям. Я бездумно бродил,
не выбирая дорогу, пока не ока-
зался у колеса обозрения.

Все аттракционы уже давно
закрылись, только полупустое ко-
лесо обозрения — в его люльках
сидели, обнявшись, три или четыре
парочки, — продолжало вращать-
ся в темноте. Парочки улета-
ли в темноту, навстречу звездам,
исчезали в невидимых верхушках
деревьев. Мне тоже неудержимо
захотелось покататься. Я напра-
вился к кассе и вдруг в нескольких
шагах от себя увидел Таню. Она
одиноко стояла, прислонив-
шись к дереву, и не видела меня...

Меня сковал страх. Ноги сразу
стали ватными, сердце заколотил-
ось, и все слова, что еще ми-
нуту назад я придумывал, чтобы
сказать Тане, вдруг сразу выско-
чили из головы. Я бы, наверное,

так и не решился подойти к ней, но
еще больше я боялся показаться
себе трусом, а потому скованной,
деревянной походкой двинул-
ся к Тане.

— Добрый вечер. — Я не узнал
свой голос. Он был совсем чужой,
охрипший.

Таня, не заметив мое волнение
(или только сделала вид?), радост-
но улыбнулась, и от этой улыбки,
как утренний туман от первых
солнечных лучей, рассеялся мой
страх.

Я купил два билета на колесо
обозрения. Мы сели рядом, за-
стегнули ремни. Механик включил
мотор, и наше кресло медленно
поплыло в темноту.

— Как хорошо! Правда хоро-
шо? — радостно воскликнула
Таня и схватила меня за руку. Ка-
жется, это был единственный раз,
когда я услышал ее смех.

— Ты сегодня не выступаешь? —
спросил я.

Смех оборвался, что-то больно
кольнуло меня в сердце.

— Не надо сейчас об этом,
ладно?

— Хорошо, не надо.

Я обнял Таню за плечи.

— Тебе не холодно?

— Нет.

Таня не отстранялась. Она, каза-
лось, не чувствовала мое прикос-
новение.

Скрытые от всех темнотой, мы
сидели рядом, плыли в ночи и гля-
дели на россыпи огней внизу.
Старая мечеть вдали, неровно
освещенная, представлялась нам
ветряной мельницей, город — це-
лым сонмом заснувших призраков.
Откуда-то из темноты доноси-
лись слабый запах увядающих
цветов и музыка, будто далекий
морской прилив. Волны то нака-
тывались на берег, то разбива-
лись о камни...

— Ты когда-нибудь была на
море?

— Нет. Я была только в Москве,
и то всего несколько дней. Я всю

жизнь кочую по маленьким город-
кам...

Танин голос был печален. Мне
хотелось сказать ей что-нибудь
приятное, но что? Я молчал...

Колесо завершило круг. Я снова
купил два билета. В последний раз,
потому что было уже поздно и ат-
тракцион закрывался.

Мы опять поплыли навстре-
чу звездам. На сей раз я успел
рассказать Тане про лебединую
верность — эту историю-быль
рассказывали в Сочи, в дендра-
рии, и теперь воспоминание о ле-
беде, кинувшемся, сложив кры-
лья, с высоты на землю, когда
умерла его подруга, было связано
для меня с морем.

Таня ничего не отвечала, только
зябко повела плечами и грустно
посмотрела на меня.

Колесо остановилось. Мы вы-
шли. Мы были одни.

— Давай погуляем, — предло-
жил я.

— Только уйдем подальше. Меня
будет искать Альберт.

Мы свернули в самую темную
аллею, что вела к пруду, по-
росшему тиной. Летом здесь
катались ребята на лодках. Но
был сентябрь, сезон закончил-
ся, и лодки, словно выброшенные
на берег гигантские доистори-
ческие рыбы, темными глыба-
ми лежали у воды. Мы с Таней
бросали в воду камешки, слуша-
ли всплески воды, любовались
звездной рябью, и нам казалось,
что мы видим, как по воде бегут
круги.

— Послезавтра я уезжаю, —
сказала Таня.

Я вдруг подумал об Альберте.
Он ведь поедет вместе с Таней.
Он будет всегда рядом. Тане нику-
да от него не убежать...

Я взял ее за руку, и мы долго
сидели, обнявшись, на переверну-
той лодке.

Кругом было тихо. Оркестр
в парке давно уже смолк. Время
перевалило за полночь.

— Идем, пора. — Таня поднялась и отряхнула платье.

— Мы еще увидимся? — глупо спросил я. — Может, ты напишешь?

— Если хочешь, приходи завтра в цирк. Я буду выступать.

Я снова обнял ее за плечи и хотел поцеловать. Таня отвернулась. Мое лицо погрузилось в ее волосы. Они пахли фиалками, речной свежестью.

— Не надо, — неуверенно сказала Таня.

— Ты мне очень нравишься.

— И ты мне тоже.

Я услышал, как она вздохнула.

— Таня...

Таня нежно охватила руками мое лицо, потом коснулась

губами моих губ. Ее губы были холодные, два чистых ледяных кристалла...

— Я представлял это совсем иначе...

— Так оно и есть.

Таня прижалась ко мне, я обнял ее за плечи, нашел губами ее губы...

Потом она выскользнула из моих объятий.

— А теперь пора идти.

— Подожди еще хоть немного.

— Нет, пора.

Таня была старшей, рядом с ней я чувствовал себя мальчиком и потому подчинился. Я проводил ее совсем немного, потом она ласково пожала мою

руку и, прежде чем я успел опомниться, растаяла в темноте...

Больше я никогда ее не видел. На следующий день я не попал в цирк, а потом Таня уехала...

Пробежали годы. Все растаяло. Юность, как весенний сон, и тот далекий, на мираж похожий город. Воспоминания давно уже подернулись прозрачной паутиной ностальгии. И только изредка, когда я со своими детьми иду в цирк, я иногда ловлю себя на мысли, что мне все еще хочется встретить Таню. Я с волнением всматриваюсь в лица воздушных акробатов. Но под куполом цирка всегда другие, такие же прекрасные, сверкающие и такие же беззащитные, как она тогда...